

СВЕРХНОВАЯ
ФАНТАСТИКА

ОЛЬГА
ЕЛИСЕЕВА

КОЛЫБЕЛЬНАЯ
ДЛЯ ЖАНДАРМА

ЯУЗА-КАТАЛОГ

МОСКВА

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е51

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *Игоря Варавина*

Елисеева, Ольга Игоревна.
Е51 Колыбельная для жандарма / Ольга Елисеева. —
Москва : Яуза-каталог, 2018. — 352 с. — (Сверхновая
фантастика).

ISBN 978-5-9500920-1-5

Российская империя возродилась и стала одним из сильнейших государств в Солнечной системе. Казалось бы, достигнуто процветание, но в обществе зреет кризис, а международная обстановка медленно, но верно сползает к широкомасштабной войне.

Спецслужбы империи ищут виновного во взрыве телепорта, из-за которого чуть не погиб государь. Европейский Альянс выдвигает ультиматум, мечтая под прикрытием демократических лозунгов оторвать от России кусок территории с богатыми ресурсами. Ощущение надвигающейся катастрофы заставляет главного «жандарма» империи, могущественного главу III отделения, мобилизовать все патриотические силы огромной страны, чтобы противостоять внешней и внутренней агрессии.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-9500920-1-5

© Елисеева О.И., 2017
© ООО «Яуза-каталог», 2017

Платите. Платите честно,
и вечно помните социальную
революцию.

М. А. Булгаков

Пролог

О том, как много можно узнать на экзамене

Елена — холодное имя. Снег лепил в окно, и, если бы не мягкие плюшевые шторы, отбрасывавшие на стекло малиновый отсвет, в мире было бы белым-бело. Елена Николаевна оперлась на руку кондуктора, поднялась по чугунной подножке и вошла в купе, где двойные кресла располагались друг напротив друга.

Монорельс — редкая и дорогая игрушка. Только для состоятельных людей. Настоящее ретро. Отдельная дверь с номерком над притолокой. Выход прямо на перрон. Вежливые стюарды в железнодорожной форме времен Александра III — круглая барашковая шапка, сапоги бутылкой, белые перчатки, даже витые веревочные аксельбанты. Только специалист замечал, какая это дикая смесь. Остальные приходили в неопишуемый восторг от сочетания старинной важности с современным комфортом.

О, вы ехали на службу на монорельсе! И сколько времени вы потратили? Имелось в виду: сколько такое счастье стоит? Но подобный вопрос перекатывался снежным комочком на языке, леденел еще в горле, колом

пронизывал грудь, ибо русские так и не научились прямо спрашивать о цене. Стеснялись.

Обычно Елена предпочитала телепорт. Дешево и сердито. А главное — экономит время. Дает возможность выспаться. Мгновенно в любую точку. Ну не в любую, конечно, а где построены входы-выходы. Тем не менее... Но в дни экзаменов от преподавателей требовали добираться до университета без риска. Не сливаясь в едином клубке с сотнями сограждан. А то, в случае аварии, ухо окажется приваренным к чужой щеке, ноги сбегут к соседу, а рук обнаружится не меньше, чем у Шивы Разрушителя, и в каждой по сумке.

Елена прошла на свое место, отогнула шторку окна и уставилась на снежный морок. Город потерял очертания. Башни тонули в тумане. Завтра метель успокоится: «Под голубыми небесами великолепными коврами, искрясь на солнце...» Лыжи, лес, сосны... если заставить себя встать пораньше. Или уж, на худой конец, выспаться? «Но знаешь, не велеть ли в санки кобылку бурую запретить?» Велеть, велеть. В обязательном порядке.

Профессор Коренева прижалась лбом к стеклу. На нем осталась полынья от теплой человеческой кожи. Можно думать ни о чем, хотеть ничего, просто смотреть на снег и растворяться в его потоке. Наслаждение временем в чистом виде. Каждая минута, как марочное вино. Отсчитана и оплачена. Глупо тратить ее на что-то, кроме самого путешествия.

Елена наслаждаться не умела и потому достала планшет. Вечно торопилась, опаздывала — не аристократическая привычка. Щелкнула замочком, сверкнула экраном. Спутники с неодобрением покосились на нее. Плевать. Надо проверить работы. Ответить приставучему коллеге: нет, она не будет оппонировать его ученице... Надо, наконец, поговорить с мальчиком, прислав-

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ ЖАНДАРМА

шим роман о двух экспедициях Адмиралтейства против космических пиратов...

«Дружок, нельзя путать эпохи... — Коренева и не заметила, как подключила связь. — Нет, сюжет очень динамичный. Но ранняя Вторая империя... Поймите, мотивация была проще. Люди прямее, грубее, что ли. В характерах без полутонов».

Он не понимал. Даже обиделся, что в нем слегка не признали гения. Стал возражать. Это было ошибкой. Елена не любила настырных бездарей и закончила весьма резко: «Я пришлю Вам текст с отмеченными грамматическими ошибками. Как поправите запятые, поговорим о стилистике». Заранее ясно, что новой беседы не будет. Непризнанные таланты долго лечат душевные травмы, а потом ну как-то устраиваются в жизни, не всем же становиться писателями. Жаль только, что друг, нашедший ей эту халтуру-редактуру, окажется в бешенстве: «Я подогнал тебе реальные деньги, сиди теперь — соси лапу».

Елена опустила в карман руку, сжала пальцами квадратик билета из настоящего твердого картона с дырочками пробитых цифр — целое состояние. Так ли уж ей не понравился роман? Да, очень. Самой всегда хотелось писать про пиратов, про одноглазого адмирала Волкова, про его вечного врага Шамиля Мансурова, про ловушки, которые они устраивали друг другу в поясе астероидов, и про то, как, наконец, замирившись, вдвоем основали марсианскую колонию Тихую — порт для починки судов... Коренева любила времена ранней империи. Герои были настоящими. Все могли. Не боялись ни крови, ни дела. Но вернуться к книгам можно, только рассчитавшись с административными обязанностями.

Сегодня простой экзамен — Новейшая история у международных. Монорельс мягко причалил к платформе, лязгнули сцепления, щелкнули двери. Елена Ни-

колаевна спустилась по эскалатору, направилась к проходной, едва различая сквозь метельное марево бегущую красную строку над входом: «Императорский университет общественных наук». Высоченные ели кивали ей. Она сама жила вне избранного круга счастливых, но подумывала о том, чтобы перебраться в один из преподавательских коттеджей и ходить на лыжах, распугивая белок, скачущих по дорожкам.

Внутренние телепорты, расставленные не только между корпусами, но и по этажам, помогли добраться до факультета минут за пять и оказаться в нужной аудитории ровно в тот момент, когда часы отмерили 14.20. На первом этаже ключарь-охранник взял в руки медный колокольчик и зазвенел им — началась четвертая пара, вместе с пятой отведенная ей для экзамена. Студенты разом включили свои экраны, и перед Кореновой возникли их голограммы. Строго говоря, она могла бы принять ответы и дома, но традиция требовала, чтобы преподаватель присутствовал на месте собственной персоной и в любой момент мог подтвердить результаты тестов ученика отпечатком пальца, прижатого к сканеру.

В душе очень ехидничая над торжественной серьезностью момента, Елена заблокировала детям доступ к любым базам данных, кроме университетских, и дала первой пятерке время на подготовку. Теперь ей предстояло уменьшить число сдающих за счет «автоматчиков». Хорошие доклады в течение года обеспечивали преимущества. Просмотр презентаций выявил несколько кандидатов, о которых профессор и так знала — работающие ребята, не без мозгов и с хорошим чувством реальности. Будет толк.

Итак, отлично. «Климатический коллапс второй четверти XXI века», «Второе переселение народов», «Государства-террористы и борьба с ними», «Войны за ре-

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ ЖАНДАРМА

сурсь», «Крах мировой банковской системы», «Стагнация межгосударственного разделения труда».

Ну и достаточно. Кажется, после этих «документалок» даже ленивый понял, что жизнь в прошлом веке была не сахар. Елена Николаевна любила, когда ее решения совпадали с впечатлением самих студентов. Большинство нажатием пальца проголосовали в поддержку «автомата» товарищам. «Взвод» отличников, удовлетворенно улыбаясь, отозвал свои голограммы.

Затем следовали участники круглых столов. Тут дело было посерьезнее. Один стол готовили несколько человек, множество выступали с репликами. Ее не боялись и при ней говорили такое, чего другим преподавателям не стали бы сообщать и под страхом лишения стипендии. «А вот бабушка рассказывала, что наши на Марсе...» или «Мой прадед голосовал на Земском соборе против монархии». Стоит сохранять равновесие. Выслушать, согласиться со справедливостью доводов и... используя их же аргументацию, привести к нужному выводу. Всегда ли получалось? Да черта с два! Порой Коренева говорила: не знаю, по источникам выходит так и так, а как относиться к рассказанному — каждый решает сам, вы взрослые. За свободу самовыражения «детишки» были благодарны.

Коллоквиумов прошло пять. «Миграционные потоки и социальное напряжение во второй четверти XXI века». «Информационные войны», «Коммунистический путч 2035 года», «Запрещение радикальных партий», «Второй церковный раскол и его преодоление». «Россия между двумя мировыми полюсами — США и Китаем — политика уклонения». Выделялись частные сообщения: «Бегство далай-ламы в Бурятию», «Шахиде Хизриева и движение «Сестры-мусульманки против исламизма», «Попытка отделения Сибири».

* * *

Сплюсовав баллы, Елена Николаевна пополнила число отличников. Теперь самое время оставить «обреченную» пятерку готовиться и пойти в деканат — попить кофе. Дубовая лестница с плафонами зеленоватого стекла над перилами увела ее на третий этаж, где несколько кабинетов сливались, образуя административное крыло. Тут было не в пример богаче, но не за счет вложенных денег (на студенческих помещениях не экономили), а за счет резкой смены стиля. Там, где бегали длинноногие девчонки и мальчишки, господствовали светлые тона, сплавы, прочные коже-дерево-стеклозаменители — дети сами не замечают, как бьют, коречат и гадят без худого умысла. Переходы-трубы, лаборатории, напоминавшие капитанские мостики звездолетов, даже растения в кадках были с других планет — таблички возле некоторых предупреждали: «Не кормить» или «Оставляет на руках несмываемые пятна. Сразу в медпункт», «Понюхал розу — вымой рожу». Последнее уже самостоятельное творчество учащихся. Однако вывеску оставили — «зане правду глаголит».

Что до деканата, то буквально на пороге гостей охватывало благоговейное чувство застывшего времени. Мягкие хорасанские ковры глушили шаг, резные панели из мореного дуба скрывали настенные экраны мониторов, телефоны были с трубками, крутилками и медными гербами. В углу стояли высокие ходики с маятником. Они били каждый час (если, конечно, не забыть перетянуть гирию на цепочке), а раз в 15 минут гулко ударяли один раз, отчего все сразу понимали: пора. Что пора и куда пора — второй вопрос. Словом, часы дисциплинировали, как и барометр красного дерева на стене. Оба инструмента когда-то принадлежали антиквару, тот божился, что они выполнены аж в XIX веке,

но починить не брался, поэтому ходики иной раз били посреди ночи, а барометр вечно показывал погоду в параллельном измерении. Сегодня он упорствовал: буря.

В деканате, как обычно, потоками студентов-просителей рулила деканша Галина Шамхаловна Резвая — женщина сколь крошечная, столь и решительная. Ее очарование не портили ни приказной тон, ни стол, заваленный бумагами.

— Кофе или марсианский цикорий? — спросила она, едва завидев подругу.

— Цикорий, — отозвалась Елена, — тем более ты его и варишь.

— Из вежливости положено спрашивать, — обиделась Резвая. — Я могу что угодно сварить и на голове, как африканская принцесса, вынести. Как твои «дети»?

— Сидят, готовятся.

Мягкие пары уже наполняли комнату. Цикорий выращивали в марсианской колонии Новое Неро. Когда делили Красную планету и сбрасывались на ее терраформирование, мы, как всегда, опоздали — долго думали. Поэтому нам достался не самый лучший кусок — очень влажный после парникового эффекта, почти болото. Что с ним делать, никто не знал, раздали садоводам, а у тех ничего, кроме странного голубоватого цветка изпод Ростова, не принималось. Кто бы мог подумать, что на марсианских почвах цикорий приобретет небывалый вкус, начнет пахнуть ванилью, коньяком и миндальной крошкой. Его и раньше-то считали целебным, а теперь — мертвого из гроба поднимал. Поэтому все прогрессивное человечество глушило по две кружки по утрам, изобрело десятки способов заварки, смешивало с корицей и молотыми кофейными зернами, подавало в чашечках, пиалах, бокалах и даже костяных рожках альпийских коз (извращение, но высокого уровня). Важно, что потомки дачников давно стали плантатора-

ми, завели сотни роботов-сборщиков, озолотились и развивали планы экспансии на спутники Сатурна — эксперимент-де показал, что новая земля Япета даст циклорину третью жизнь.

— Пить или не пить? — Галя бухнула перед носом подружки увесистую кружку.

— Ехать или не ехать? — парировала Коренева. — Решила, наконец? Луна или море Норденшельда? Шамхаловна, давай, каникулы ждать не станут.

Деканша пригорюнилась. Она выцарапала две горящие путевки в разных направлениях и напоминала буриданова осла. Луна, конечно, старый курорт. Уровень обслуживания мировой. Но и цены... Зато северные акватории, как теперь называли все побережье России, полвека назад подвергшееся интенсивному затоплению, предлагали сказочный список услуг по баснословно низкому курсу. Раскручиваются. Их можно понять.

Таяние арктических льдов заметно изменило рельеф. Море Норденшельда, переименованное при Советах в годы борьбы с иностранными фамилиями в море Лаптевых, не просто вернуло старое название — оно разлилось, войдя в поймы рек, выпустив солоноватые воды на луга и пастбища. Братья Лаптевы теперь распластали свое имя к востоку, закрывая собой не то непомерный залив, не то «союзное» море Норденшельда же, границей которого стал некий донный хребет, невидимый невооруженным глазом.

— Ну, решайся! Норденшельд. Надо посмотреть новое. Все говорят: пансионатики маленькие, чистенькие, как мы любим. И где еще растут водоросли, омолаживающие за пару процедур лет на десять?

Галя посмотрела на подругу, как на блаженную.

— Рекламы начиталась?

— Даже если и врут, — не обиделась Елена, — разве плохо завернуться в водоросль размером со слоновое

ухо и подремать в теплой водичке? Даже императорская чета ездила на Норденшельд.

Елена рассчитывала на неотразимый довод. Но в двери возникла голова профессора Шишкинда с кафедры Международной ментальности, который ядовито вставил:

— Ради императорской четы там расстарались и губернатор, и принимающие. А вот что вы, девочки, увидите, еще вопрос. Говорят, от хребта Ломоносова движется нефтяное пятно.

Елена Николаевна терпеть не могла Шишкинда — паникер в обозе.

— Нет там никакого пятна! — взвилась она. — Просто другие курорты боятся конкуренции, не хотят клиентов отдавать.

— Не подеретесь. — Галя прокурорски уставилась на Шишкинда. — Я вам уже сказала, что не покажу результаты тестов до послезавтра. Ваши студенты знают дисциплину лучше вас. Нутром, что ли, чувят. Большинство интуитивных попаданий.

Шишкинд надулся.

— Откуда вам знать, что интуитивных? Может, это я так хорошо...

Шамхаловна помотала рыжей пушистой, как одуванчик, головой.

— Я уже лет десять сижу на тестах и отлично вижу, где преподаватель сам подсказал всем правильные ответы, где студент думал, а где он сначала хотел написать один вариант, потом спохватился и пометил другой. Тут есть свой алгоритм. — Она улыбнулась с заметным превосходством.

— Галь, проверь меня, — попросила Коренева, отхлебывая из кружки.

— Да пожалуйста. Вопрос номер раз. «Какую пищу нельзя предлагать коренным жителям сельвы Ама-

зонки?» Варианты: «Мясо. Птицу. Человечину. Плоды манго».

— Третье.

Шишкинд аж просиял.

— Мы говорим о каннибалах.

— И я о них, родимых. Каннибализм ритуален. Его нельзя практиковать без соответствующего религиозного оформления. Если вы, как маньяк, подадите договаривающейся стороне тосты с некурящей блондинкой, высока вероятность, что ваше поведение сочтут оскорбительным.

— Кроме дикарей, вопросов нет? — буркнул пристыженный профессор. Он и сам знал, что выбрал не ту специальность. Вся душа вопияла против запрета соваться со своим уставом в чужой монастырь. А именно этого от русских международников требовала их будущая профессия: уважайте, но не навязывайте.

— «Что, по мысли самих жителей, могло установить мир в Пуштуно-афганском халифате?» — продолжала Галя. — Варианты. Международные миротворческие силы. Введение выборов и образование парламентской республики. Переговоры с оппозицией. Женитьба короля Абдаллы на представительницах шестнадцати населяющих страну племен.

— Последнее.

— Опять в точку, — восхитилась Резвая. — Ты можешь представлять нашу дипломатию на переговорах.

Шишкинд затосковал.

— Я бы выбрал из трех первых. Сочетание дало бы нужный результат.

Елена испытующе уставилась на коллегу.

— Смотря какой результат считать нужным. Если прочный мир и возможность дальнейшего *самостоятельного* развития...

— Да при чем тут мир! — рассердился профессор. — Тем более самостоятельность! Никто не самостоятелен. До чего доразвивались эти пескари? Плантации мака, козы и автоматы. Нужный результат — изменение вектора движения цивилизации. Оппозиция это понимает. Пока идут выборы, миротворческие силы просто необходимы.

— А как только голубые каски будут отозваны, всех новоявленных парламентариев вырежут, — методично подытожила Елена Николаевна, — потому что жители, в силу культурных особенностей, не видят в них смысла.

— Да я сама порой не вижу смысла! — Галина набрала код, и одна из стенных панелей отъехала. — Добро пожаловать: наши депутаты третьи сутки обсуждают вопрос, предоставлять или нет снежным людям гражданство? Давайте уж я вам тоже цикорию налью, Борух Натанович.

— Лучше кофе. — Шишкинд настаивал на просвещенных напитках.

— Боря, ведь вы филолог, — ласково начала Коренева. — Шли бы классическую литературу преподавать. Она депрессивная. Какой-нибудь критический реализм. Трагедия маленького человека...

Ее отвлекла голограмма думского заседания. Депутаты сцепились, не зная, кем признать обнаруженных в Сибири мохнатых человекообразных существ. Людьми или животными. А от этого плясала вся юридическая база. Вносить в Красную книгу, запрещать охоту, разводить популяцию в питомниках? Или требовать знания государственного языка, исповедания веры, выписывать паспорт и трудовую книжку?

Но всяко выходило, что начинать следует с оказания гуманитарной помощи. Результатом капризов климата стал выход «чубак» из тайги к людям. «Большеногих» оказалось около ста пятидесяти тысяч, они выли и не знали, как приспособиться к изменению привычного